

ГОДЪ XLIV.

Еженедѣльное
изданіе.

марта 22-го 1912 г.

№ 13—14.

Подписная цѣна: безъ достав-
ки на годъ 3 р. 50 к., на пол-
года 2 р., на три мѣсяца 1 р.,
на мѣсяць 40 к.

Съ доставкою и пересылкою
на годъ 5 р., на полгода 3 р.,
на три мѣсяца 1 р. 50 к.,
на мѣсяць 45 к.

Адресъ: Москва, Лиховъ пер.,
Епархіальный домъ, редакція
„Моск. Церк. Вѣдомостей“

Извѣстія и замѣтки.

А. Чеховъ и церковность. (*Изъ воспоминаній священника.*) Чрезвычайно тепло и съ большой благодарностью вспоминаетъ въ послѣдней книжкѣ „Русской Мысли“ священникъ С. Н. Щукинъ о своемъ знакомствѣ съ А. П. Чеховымъ.

О. Щукинъ лѣчилъ въ Ялтѣ, гдѣ въ это же время долженъ былъ проживать и Чеховъ въ виду своей надвигавшейся чахотки. Тамъ они и познакомились. Какъ священника, о. Щукина больше всего интересовали вопросы Церкви, религіи, и его воспоминанія съ новой стороны освѣщаютъ памятную и близкую русскому читателю фигуру А. П. Чехова.

„У Чехова былъ съ дѣтства большой интересъ къ церковному быту, онъ хорошо зналъ многое изъ того, что относится къ богослуженію, къ церковнымъ обрядамъ, къ религіознымъ обычаямъ. Въ дѣтствѣ часто шѣлъ на клиросѣ; дядя его былъ церковнымъ старостой.

„Знаете,—сказалъ онъ мнѣ разъ,—люди моего возраста, воспитываясь, еще имѣли „знакомство“ съ церковью; у меня были религіозны отецъ, мать, дядя; мы знаемъ кое-что о Церкви, что-то въ насъ держится... Растетъ новое поколѣніе, которое совсѣмъ не знаетъ Церкви. Что вы будете съ нимъ дѣлать?“

Онъ тепло относился ко многому въ Церкви, чувствовалъ хорошее, что есть въ вѣрѣ, въ ея восторгахъ; понималъ красоту и смыслъ обряда, любилъ иное въ церковной формѣ. Любилъ, напримѣръ, церковный звонъ.

„Я слышалъ, что въ Новомъ соборѣ будетъ хорошій звонъ. Послушаемъ!“ съ чувствомъ удовольствія сказалъ онъ, когда заговорили объ освященіи въ Ялтѣ новой церкви. И въ другой разъ говорилъ: „Я стараюсь на Пасху уѣзжать

въ Москву; здѣсь и звона настоящаго не услышишь... А что за Пасха безъ звона!"

Ему нравилось еще, когда огонекъ лампадки теплился гдѣ-нибудь на кладбищѣ.

Онъ любилъ простыхъ, непосредственно религіозныхъ людей. Хорошо отзывался о мѣстномъ священникѣ-грекѣ, добродушномъ и простомъ челоѣкѣ. Священникъ собиралъ деньги на постройку церкви. Антонъ Павловичъ хвалилъ его.

„Смотрите, какую церковь строить о. Василій. Молодецъ! Ему надо что-нибудь пожертвовать“. А о. Василю говорилъ нѣсколько разъ: „Хорошая у васъ колокольня, надо бы колоколъ хорошій вамъ, чудовъ въ сто“.

Онъ далъ на постройку сто рублей; чеховская же серебряная лампадка виситъ за престоломъ въ греческомъ Ялтинскомъ храмѣ. Въ домѣ Чехова, пожалуй, больше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Ялтѣ, находилъ пріютъ старый сборщикъ „на постройку храма“...

Въ кабинетѣ Антоша Павловича среди карточекъ писателей, артистовъ и другихъ знакомыхъ ему людей висѣла одна довольно необычная. На ней былъ изображенъ челоѣкъ въ одеждѣ духовнаго лица и вмѣстѣ съ нимъ старушка въ темномъ, простомъ платьѣ.

Исторія этой карточки такова. Какъ-то разъ Антонъ Павловичъ вернулся изъ города очень оживленный. Случайно онъ увидалъ у фотографа карточку тогдашняго Таврическаго епископа Михаила. Карточка произвела на него впечатлѣніе, онъ купилъ ее, долго потомъ разсматривалъ и показывалъ ее.

Епископъ этотъ (Михаилъ Грибановскій) незадолго до того умеръ. Это былъ одинъ изъ умѣйшихъ архіереевъ нашихъ, съ большимъ характеромъ. Считается онъ въ духовной средѣ какъ бы основателемъ новаго, такъ называемаго ученаго монашества и въ свое время имѣлъ большое вліяніе на многихъ. Лично его Антонъ Павловичъ не зналъ.

Преосвященный Михаилъ былъ еще не старый, но жестоко страдавшій отъ чахотки челоѣкъ. На карточкѣ онъ былъ снятъ вмѣстѣ со старушкой-матерью—вѣрно какой-нибудь сельской матушкой, вдовой дьякона или дьячка, пріѣхавшей къ сыну архіерею изъ Тамбовской губерніи.

Лицо его очень умное, одухотворенное, изможденное и съ печальнымъ, страдальческимъ выраженіемъ. Онъ приникъ головой къ старушкѣ; ея лицо было тоже чрезвычайно своей тяжелой скорбью. Впечатлѣніе отъ карточки было сильное; глядя на нихъ—мать и сына, чувствуешь, какъ тяжело бываетъ челоѣчское горе, и хочется плакать.

Антонъ Павловичъ очень интересовался личностью епископа Михаила, спрашивалъ о немъ, читалъ его книги. Его образъ навѣялъ тему прекраснаго чеховскаго разсказа „Архіерей“.

„Вотъ,—сказалъ онъ какъ-то,—прекрасная тема для разсказа: Архіерей служить утрени въ Великій четвергъ. Онъ боленъ. Церковь полна народомъ. Пѣвчіе поютъ. Архіерей читаетъ Евангеліе страстей. Онъ проникается тѣмъ, что читаетъ; душу охватываетъ жадность ко Христу, къ людямъ, къ самому себѣ. Онъ чувствуетъ вѣдугу, что ему тяжело, что онъ можетъ скоро умереть, что можетъ умереть сейчасъ. И это его чувство—звуками ли голоса, общей ли напряженностью чувства, другими ли, невидными и непонятными путями—передается тѣмъ, кто съ нимъ служитъ, потомъ молящимся, одному, другому, всѣмъ. Чувствуя приближеніе смерти, плачетъ архіерей, плачетъ и вся церковь“.

Чутко присматривался Чеховъ къ религіозной жизни народа. Вотъ нѣсколько строкъ изъ разсказа „Мужики“, гдѣ онъ высказалъ свои нерадостныя наблюденія въ этой области. Онъ считалъ свои наблюденія вѣрными и устно говорилъ въ такомъ же родѣ.

„Старикъ (глава семьи) не вѣрилъ въ Бога, потому что никогда не думалъ о Немъ; онъ признавалъ сверхъестественное; но думалъ, что это можетъ касаться однихъ лишь бабъ, и когда говорили при немъ о религіи или чудесномъ и задавали ему какой-либо вопросъ, то онъ говорилъ нехотя, почесываясь:

— „А кто-жъ его знаетъ?“

— „Бабка же вѣрила, но какъ-то тускло; все перемѣшалось въ ея памяти, и едва она начинала думать о грѣхахъ, о смерти, о спасеніи души, какъ нужда и заботы перехватывали ея мысль, и она тотчасъ же забывала, о чемъ думала. Молитвъ она не помнила и обыкновенно по вечерамъ, когда спать, становилась передъ образами и шептала: „Казанской Божьей Матери, Смоленской Божьей Матери, Троиручицы Божьей Матери.

„Марья и Ѳекла крестились, говѣли каждый годъ, но ничего не понимали. Дѣтей не учили молиться, ничего не говорили имъ о Богѣ, не внушали никакихъ правилъ и только запрещали въ постъ ѣсть скоромное“.

Такъ было въ семьѣ, которую Чеховъ описываетъ.

„Но въ прочихъ семьяхъ было почти то же: мало, кто вѣрилъ, мало, кто понималъ... Смерти боялись только богатые мужики, которые тѣмъ больше богатыли, тѣмъ меньше вѣрили въ Бога и въ спасеніе души и лишь изъ страха передъ концомъ земнымъ, на всякій случай, ставили свѣчи и служили молебны... На Ильи пили, на Успенье пили, на Воздвиженье пили. На Покровъ въ Жуковѣ были приходскій праздникъ, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 рублей общественныхъ денегъ и потомъ еще со всѣхъ дворовъ собирали на водку“.

Итакъ, значить ли это, что „мужики“, по описанію Чехова, были безнадежны въ религіозномъ отношеніи?

Совсѣмъ нѣтъ. Вотъ описаніе церковнаго торжества,—описаніе, изъ котораго видно, съ какой страстью, съ какимъ голодомъ рвутся души несчастныхъ людей къ Богу и Его правдѣ.

„Это было въ августѣ, когда по всему уѣзду, изъ деревни въ деревню, носили Живоносную. Въ тотъ день, когда Ее ожидали въ Жуковѣ, было тихо и пасмурно. Дѣвушки еще съ утра отправились навстрѣчу иконѣ въ своихъ яркихъ, нарядныхъ платьяхъ и принесли ее подъ вечеръ, съ крестнымъ ходомъ, съ пѣніемъ, и въ это время за рѣкой трезвонили. Громадная толпа своихъ и чужихъ запрудила улицу; шумъ, пыль, давка... И старикъ, и бабка, и Кирыакъ—все протягивали руки къ иконѣ, жадно глядѣли на нее и говорили, плача:

„Заступница, Матушка! Заступница!

„Все какъ будто поняли, что между землей и небомъ не пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита отъ обидъ, отъ рабской неволи, отъ тяжелой невыносимой нужды, отъ страшной водки.

— „Заступница, Матушка!—рыдала Марья—Матушка!

„Такъ желали они Бога, справедливой, честной и чистой жизни, но томились въ сѣтяхъ жестокости, невѣжества и пьянства. И не было тѣхъ, кто имъ помогъ бы.

„Тѣ, которые богаче и сильнѣе ихъ, помочь не могутъ, такъ какъ сами грубы, нечестны, нетрезвы и сами бранятся также отвратительно...”

„...Всѣ любили Священное Писаніе, любили нѣжно, благоговѣнно, но *не было* книгъ, *некому* было читать и объяснять...”

Я поражаюсь,—говорилъ Антонъ Павловичъ,—какъ бездѣтельно духовенство. Православію отовсюду грозить опасности, а у васъ почти ничего не дѣлается, чтобы поднять, чтобы оживить свое дѣло.

И какимъ-то сдержаннымъ голосомъ сказалъ:

— Мы кричимъ, что у насъ вѣра крѣпка, что народъ болѣе религіозенъ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Но гдѣ помогающая дѣятельность Церкви? Въ деревняхъ пьянство, невѣжество... У васъ, у русскаго духовенства, есть, напримѣръ, громадное преимущество предъ католиками: вы женаты. Какое это прекрасное условіе для священника! Создавъ хорошую семью, какъ могъ бы священникъ воспитательно дѣйствовать на народъ, внести въ крестьянскую семью мягкость и деликатность отношеній, нравственность. У васъ же бываетъ—я это знаю хорошо—сыновья священниковъ иногда учатъ деревню разврату. Плохо дѣло. У насъ все лучше и вѣры больше, а вотъ у протестантовъ самое уважаемое лицо въ селѣ—пасторъ. Уважаютъ ли такъ у насъ священниковъ?..

Впрочемъ не надо думать, что Антонъ Павловичъ отрицательно относился къ цѣлому сословію. Онъ рассказывалъ, что у него было довольно много знакомыхъ среди духовныхъ. Впрочемъ, доброе и невраждебное отношеніе Антона Павловича къ отдѣльнымъ лицамъ ясно видится изъ многихъ его разсказовъ, какъ „Кошмаръ“, „Архіерей“, „Степь“ и др.

— Антонъ Павловичъ,—спросилъ его при мнѣ какъ-то знакомый священникъ,—скажите, что, по вашему мнѣнію, долженъ при настоящихъ условіяхъ дѣлать священникъ?

— „Знаете,—сказалъ онъ,—будьте всегда безкорыстны и честны, и это будетъ большое дѣло. Отправляйте хорошо церковную службу, понятно всю, и будьте увѣрены: народъ пойдетъ къ вамъ.—И онъ сослался на примѣръ о. Іоанна Кронштадтскаго...”

Его болѣзнь наполняла его тихой скорбью. Къ концу его жизни къ нему пришло все, что кажется столь привлекательнымъ людямъ земли: слава, сравнительная независимость въ матеріальныхъ средствахъ и громадная, порожденная его сочиненіями, атмосфера любви къ нему, нѣжной и теплой, гордость имъ едва не цѣлой громадной страны... А онъ, центръ этой атмосферы, ея виновникъ и творецъ, одинокій и больной, ходитъ въ своемъ небольшомъ кабинетѣ, томится, почти ужъ не заглядывая за предѣлы небольшого садика. Но всегда, помню, онъ старался быть привѣтливымъ и бодрымъ, дабы не дать понять, что ему тяжело.

Онъ былъ скептикъ, но скептикъ благородный, готовый чутко и благодарно признать хорошее вездѣ, гдѣ его увидить. Онъ понималъ глубокія основанія вѣры.

„Антонъ Павловичъ, вы видите—вѣра падаетъ вездѣ, думаете ли вы, что будетъ время, когда ея не будетъ?“—„Э, полноте! Пока будутъ живы люди, до тѣхъ поръ будетъ и вѣра“.—сказалъ онъ горячо. Признавалъ онъ и положительное значеніе Церкви, ея дѣйствительное, полезное вліяніе. „Вы пожертвовали на церковь, а вѣдь иные, пожалуй, не повѣрили бы этому“.—„Почему же мнѣ не пожертвовать?“—проговорилъ онъ,—вы дѣлаете нравственное дѣло“.

Я сказалъ бы, что Чеховъ былъ религіозной натурой въ томъ смыслѣ, что понималъ необходимость высшей идеи для человѣка, необходимость и красоту

правды. Понималъ чутко, глубоко, жизненно; чувствовалъ мистическое, надмірное ея происхожденіе.

И былъ дорогъ ему огонь лампадки, мерцающей на кладбищѣ, безпокойная пасхальная ночь тревожила сердце („Святой ночью“) и волновала мысль о великомъ значеніи того, что совершилось въ далекіе дни страданій Господа.

(„Воскресный День“.)